

А.М. Курьшов

VADE IN PASE*

*Прошедшее нужно знать не потому,
что оно прошло, а потому, что, уходя,
не умело убрать своих последствий**.*

Необходимость делать выбор на очередном перепутье, на котором стоит Россия (стоит уже давно), естественным образом заставляет мыслящих неравнодушных людей, тем паче — ученых, задумываться о путях ее дальнейшего развития. Кроме того, сама обстановка перепутья порождает склонность к умствованиям, потребность в осмыслении происходящего. И то, и другое с неизбежностью заставляет обращаться к прошлому.

В последнее время издано достаточно много работ, представляющих собой попытки осмысления экономической истории России. Большинство из них — философские изыскания, основанные на личном опыте авторов, либо спекуляции по мотивам известных социологов, экономистов, философов. Гораздо меньше серьезных работ, пытающихся раскрыть закономерности исторического развития России (как правило — это монографии профессиональных историков, стремящихся комплексно, используя данные различных наук и разные концепции, подойти к решению проблем исторической науки¹). На этом фоне выделяется недавно вышедшая работа известных российских ученых, занимающихся экономической историей, Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, посвященная сравнительному анализу истории экономического развития России и Европы^{***}. Одного беглого знакомства с книгой уже достаточно историку, чтобы заинтересоваться, потому что: 1) авторы — экономисты; 2) в качестве

* «Иди с миром» (лат.) — эти слова произносит католический священник, отпуская грехи.

** В качестве эпиграфов использованы высказывания В.О. Ключевского из его «Тетради с афоризмами» (1891).

*** Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колена (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 527 с.

инструментария анализа исторического (хотя и не только) материала выступают социологические методы; 3) заявлена амбициозная цель, не дающая покоя россиянам последние лет двести с лишним — разобраться, когда Россия оторвалась от Европы и как ее вернуть обратно.

Не могло не подкупить автора этих строк, историка, и то, что в аннотации книги история экономического развития России названа *актуальной проблемой современной экономической науки*. Далеко не все экономисты признают необходимость изучения развития экономических отношений во времени. Впрочем, не меньшее число историков пренебрегают как методами, используемыми экономистами, так и *результатами их исследований*. В этом смысле труд Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова — пример конструктивного взгляда на общенаучные проблемы. Тем более, авторы монографии использовали достаточно свежую концепцию зависимости от предшествующего развития, совсем не тривиальную для отечественной исторической науки.

В этой связи и говорить об упомянутой книге не хочется тривиально, и мы выбрали такую форму отзыва (возможно, несколько странную), которая, тем не менее, позволила бы максимально объективно оценить ее достоинства *с точки зрения историка*, а именно:

а. сначала дадим характеристику последней части монографии, той, где анализируются экономические реформы 1990-х гг. и их последствия. Это то время, которое еще историей не стало, рассматривать его с исторической точки зрения контрпродуктивно, но эмоциональную оценку можно дать всему и всегда, в том числе — мнению экономистов насчет роли современных процессов в истории и будущего России;

б. затем рассмотрим взгляд авторов на социально-экономические процессы в истории России. Именно в главах, посвященных этим проблемам, раскрывается основной вопрос книги: как соотносится экономическая история России и Европы;

с. наконец, поговорим об основных методологических посылах монографии, т.е. о том, что позволило авторам прийти к выводам, зафиксированным в Заключении книги.

Как кажется, именно так и мыслили авторы: сначала определялись с позицией России относительно Европы, затем подбира-

ли и интерпретировали исторический материал, а потом решали, с каких позиций этот материал подать.

* * *

*Закономерность исторических явлений
обратно пропорциональна их духовности.*

В данном разделе автор этих строк выступает не как историк, а как гражданин России и просто здравомыслящий человек. С позиций исторической науки рассматривать развитие России после распада СССР бессмысленно — не расставлены приоритеты, неизвестны многие важнейшие детали и документы, живы люди, а главное — неясны до конца последствия реформ. Словом — большое видится на расстоянии. Почему мы начинаем с этого? Именно поэтому — к истории, в том числе — истории экономических институтов, наше время имеет самое приближенное отношение. Но именно в этом отношении проявляются приоритеты исследователей, которые, как бы они этого не хотели, не могут быть свободны от груза своего личного опыта.

Поэтому, хочется верить, что и уважаемые авторы рецензируемой монографии, говоря о реформах 1990-х гг., выступают не только как ученые, но и как граждане, — по крайней мере, заметна боль за происходящее в стране, проступающая между строк последних глав книги. А последствия реформ выглядят впечатляюще (в негативном смысле): резкий спад производства, обнищание основной массы населения, упаднические настроения в обществе. Все это видят и отмечают авторы монографии: «Динамика большинства макроэкономических показателей российской экономики за годы реформ дает картину затяжного и тяжелого спада, по своим последствиям превосходящего Великую депрессию 1929–1933 гг. на Западе» (С. 410); «На уровне буквально всех субъектов хозяйственной жизни — и домохозяйств, и фирм, и государства — к концу 1990-х гг. прослеживались черты не столько прогресса, сколько регресса» (С. 414). Но, оставив эмоции, ответим на главные вопросы: *что произошло? почему это произошло? как выходить из сложившейся ситуации?* (а выходить надо, поскольку — «спад» и «регресс»).

Что произошло? Произошло, по мнению Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, следующее: а) в узком смысле, закончился

«большой» цикл экономического развития советской системы (1928–1991 гг.) (как и «малый» цикл 1918–1928 гг. закончился он уступками государства рыночным институтам); но не будем впадать в эйфорию по поводу «развитого капитализма», потому что — б) в широком смысле то, что произошло в экономике страны — это есть перераспределение собственности из рук непersonифицированного государства в руки конкретных людей, сращенных с властью, т.е. экономическая система, присущая России (система «власти-собственности», «азиатский способ производства») по большому счету осталась прежней, изменилась лишь ее форма. А это, в свою очередь, как раз и есть проявление *зависимости от предыдущего развития*, — путь хотя и малоэффективный, но привычный, и это — закономерно. Вот тут загнанный в дальний угол сознания историк, воспитывавшийся еще на аксиомах не просто марксизма, но и ленинизма, прорывается наружу с гневной отповедью: какой такой азиатский способ производства, ведь изменился социально-экономический строй, разве может быть закономерность регрессивной, ведь с такой логикой можно и США (где, между прочим, тоже олигархия), во «власть-собственность» записать... Но здравый смысл говорит, что предложенная схема ничуть не хуже традиционной, ведь основным критерием характеристики общества выступают экономические институты, в том числе — собственность на средства производства и традиции управления собственностью. В этом смысле действительно мало что изменилось — ранее собственностью распоряжалось Политбюро, ныне — также узкий круг лиц, близкий к власти. Более того, некоторые аспекты современности, проявляющиеся, если смотреть через призму предложенного авторами монографии подхода, представляют несомненный интерес и заслуживают плотной работы над ними. Это, в частности, идея внешнего характера институциональных заимствований с Запада (С. 430), мысль об этапах изменения системы прав собственности в России (С. 427–438) и предостережение об опасности преувеличения степени отличия российской экономической модели от зарубежных (С. 439).

Почему это произошло? Вот здесь позиция Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова гораздо более уязвима. Да, в работе есть определенная логика изложения, которая нас должна привести к выводу о

том, что экономические реформы 1990-х гг. — путь, predetermined для России в свете ее предыдущего развития, наличия «эффекта колеи» и конкретных условий для реализации этого эффекта. Но вся эта логика укладывается в понятие «эндогенные причины». В силу некоего «действительного хода вещей» (терминология Н. Макиавелли), в результате *внутренних* процессов происходят известные экономические реформы. Причины их авторы видят в несовершенстве советской экономической системы (суть ее в квартете *планирование–монополизм–дефицит–бюрократия*). В ходе реформ проявились черты российского общества, которые (из контекста работы) сложно причислить к позитивным: неприспособленность русских людей с их православным менталитетом к новым условиям², рвачество «бизнесменов», которые впали в эйфорию после разрешения частного предпринимательства (С. 424). Об этих «отдельных недостатках», правда, авторы говорят мимоходом, не заостряя на них внимания, и немудрено.

По поводу первого утверждения сложно говорить без улыбки: приписывание каких-либо отличительных черт экономического поведения представителям тех или иных народов — это что-то из европейских салонных разговоров XIX в. Исследования показывают, что духовная власть обычаев и традиций, сохранение которых нивелирует влияние роста производительности труда, усложнение родоплеменных отношений, возникновение институционализованного сознания, оказывается бессильной перед внешними влияниями, пробуждающими меркантильные устремления индивидов³. Иными словами, православный русский не менее предприимчив, чем протестант-американец, были бы подходящими условия. Что делать — человек слаб. Как у Пушкина: жили-были православные дед да баба душа в душу до старости, а появилась золотая рыбка — и бабку понесло.

Второе утверждение еще более спорно. Авторы утверждают: «В России не было Реформации и Просвещения, которые в Западной Европе осудили позднефеодальное стяжательство и защитили раннекапиталистическое предпринимательство. Позднефеодальное стяжательство — это “делание денег” любимыми (в том числе самыми нечестными) средствами, а раннекапиталистическое предпринимательство — это “производство” богатства в

соответствии с законами рынка. В условиях отсутствия институциональных ограничений освобождение предпринимательства от государственных запретов было воспринято как разрешение “делать деньги” любыми средствами, т.е. как при позднефеодальном стяжательстве» (С. 424). Представляется, что на самом деле никакой разницы между позднефеодальным стяжательством и капиталистическим предпринимательством нет. Честных бизнесменов в природе не существует, поскольку цель бизнеса в получении прибыли, а не сохранении собственного лица. Есть только разная степень контроля над бизнесменами со стороны государства. В средние века торговцы и скоморохи были самыми неуважаемыми членами общества, сейчас бизнесмены и шоумены — на верхушке социальной лестницы. Это — проявление системного кризиса общества, основанного на рынке и только на нем.

А вот почему авторы молчат о влиянии *экзогенных*, т.е. внешних факторов? О «холодной войне» упоминается вскользь, о прямом вмешательстве в процессы реформ американских советников российского Президента, связанных с Пентагоном и ЦРУ, в эпоху «ваучеризации» не говорится вообще, о планомерном (как раз планомерности не хватало советской экономике, утверждают авторы) разрушении оборонного сектора российской промышленности — ничего. Между тем, все это — широко известные факты. Ведь дикий капитализм 1990-х — это вряд ли случайность. Какой бы несовершенной не была советская экономическая система, она была жизнеспособна, а пасть ей помогли извне. Об этой стороне вопроса авторы, к сожалению, молчат.

Что необходимо сделать, чтобы исправить ситуацию? Для ответа на этот вопрос сначала надо выяснить, куда нужно идти. Эту проблему авторы решают однозначно: «Для нас ближайшая цель — это социальное рыночное хозяйство. Хотя оно придумано не нами, России надо отыскать свой путь к этой модели развития. Ориентируясь на опыт более развитых стран, никогда не удастся пройти след в след по их колею. Нам надо найти свою — новую! — колею» (С. 485). Колея-то новая, но на той же «рыночной» дороге, надо полагать. Можно критиковать авторов за то, что они не видят альтернативы рынку, но нужно признать, что они — реалисты. Альтернативы сейчас ему действительно нет. Нет сомнений в том, что в скором будущем однополярный

мир и экономика, являющаяся его основанием, падут, но сейчас они — факт. Вопрос в том, кто и как из грядущего переворота выберется. И здесь мнение Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова заслуживает самого пристального внимания. Их уверения в том, что «у человечества есть хорошие шансы обеспечить Соединенным Штатам “мягкую посадку” и сформировать нечто вроде мирового правительства на основе представительства всех цивилизаций» (С.484) автор этих строк считает утопией — ничто в этом мире не происходит полюбовно. Но дай Бог, чтобы он ошибался. Права Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов — России нужно искать свою нишу в современной экономической системе.

Какой будет эта ниша? Справедливо и аргументировано критикуя «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», авторы предлагают разделить приоритеты на тактические и стратегические. К первым относятся установление взаимовыгодных связей с соседними государствами, укрепление личной свободы и инициативы, формирование «национально ориентированного ведущего слоя общества», реализация социальной справедливости. Ко вторым — укрепление доверия между субъектами, реализация идеи самобытности России в рамках рыночной парадигмы. Всего этого можно достичь, реализуя конкретные шаги: ликвидация сырьевой специализации России, внедрение достижений науки и техники и другие меры. Здесь авторы, конечно, не открыли никакой Америки. Учеными уже давно поднимаются все эти вопросы, проблема в том, что у нас в стране на сегодня не только котлеты отделены от мух, но и наука от власти. В этом смысле авторитетное мнение Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова — еще одна необходимая попытка достучаться до властей.

Но подведем промежуточные итоги. Авторы монографии — патриоты, но и убежденные сторонники того, что мы должны учиться у Запада. Они оптимисты и признают, что на сегодняшний день Россия — это далеко не Европа, но она имеет все шансы стать ею, она просто должна стать полноправным членом европейского сообщества, сохранив при этом свою «особость». Путь России в Европу, путь России к рынку — закономерный процесс. В целом, Россия и Европа вместе противопоставляются исламскому и азиатскому мирам. При этом авторы делают реверанс и в

сторону современных «славянофилов», предлагая такие лозунги: «Россия учится у Запада и Востока с тем, что бы быть само-бытной евразийской экономической державой», «Немцы создали эффективную модель социального рыночного хозяйства XX в., россияне создадут эффективную модель социального рыночного хозяйства XXI в.», «Россия будет изменяться, не изменяя себе». Трезвая, рациональная, конструктивная позиция.

* * *

*Политика должна быть не более
и не менее как прикладной историей.
Теперь она не более как отрицание истории
и не менее как ее искажение.*

Известно и другое выражение: история — это политика, опрокинутая в прошлое. Во всяком случае, по воззрениям человека на историю можно судить о его политических пристрастиях. И наоборот. Больше того, во многом политическая ориентация человека определяет его исторические интересы. С политической точки зрения наши авторы (как видно из предыдущего раздела) — патриоты, но ориентированные на Европу. Чем же им представляется история?

История — это процесс стадийный (С. 33). У народов есть два пути экономического развития — модель европейская (пока она делится на этапы античный, феодальный, капиталистический, посткапиталистический; этапы соответствуют способам производства; модель развивается линейно) и модель азиатская (демонстрирует лишь один способ производства — азиатский («власть-собственность»), постоянно повторяющаяся, так как модель развивается циклически).

Авторы рассматриваемой монографии подробно характеризуют азиатский способ производства, определяя пути развития стран и народов, его придерживающихся. Об этом подробнее позже.

Разобравшись с Востоком, Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов обращаются к Европе. Логика изложения материала, иллюстрирующего историю экономического развития Европы, от античности до наших дней, не вызывает серьезных замечаний: добротная теоретическая база, хорошо известные, интерпретированные с различных сторон факты позволяют излагать историю не-

противоречиво. Авторы монографии попадают в свою родную стихию — линейное развитие. Пока Восток топчется на месте, Запад демонстрирует умение приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям. Эволюция экономических институтов протекает на фоне возрастания роли частнособственнических отношений, с чем спорить бессмысленно. Очень хорошо в книге продемонстрирована закономерность, последовательность эволюции европейских экономических институтов. Четко охарактеризован феодализм. Особенно удались главы, посвященные началу развития капиталистических отношений. Можно поспорить с исторической точки зрения, например, о классовом характере античного рабства⁴, о «всемирно-историческом значении» античной демократии⁵, о том, что «в ходе переселения на территорию Западной Римской империи у франков ускорился переход от земледельческой общины к соседской общине-марке» (С. 111)⁶, но, вместе с тем, вызывают только поддержку мнение о природном, естественном происхождении общины, идея о различных модификациях азиатского способа производства, мысль о серьезном влиянии на эволюцию экономических институтов институтов политических.

Однако перейдем уже к главному — к России. Хотя интересы авторов монографии Россией не ограничиваются, непосредственно о развитии российских экономических институтов авторы говорят в первой главе (на фоне характеристики азиатского способа производства), четвертой главе и третьей части (главы с десятой по тринадцатую), все же проблема, вынесенная в заголовок книги, для авторов — главная. Почему? «Изучение экономической истории России необходимо не только из соображений национального самопознания, но и потому, что она неразрывно связана с одной из главных теоретических проблем экономической истории — различием восточного и западного путей развития. Колебание между восточной и западной моделями развития стало главным лейтмотивом российской истории. Поскольку Россия совмещает черты “отсталого Запада” и “передового Востока”, то анализ ее экономической истории помогает понять объективную ограниченность западного пути развития» (С. 141). Вот оно! Рассматривая Россию, мы высвечиваем различия Востока и Запада, доказываем, что Запад — это еще не

весь мир, и, вместе с тем, возвращаем России право говорить с Западом на равных, на нашем общем языке.

1. Ключевой проблемой является вопрос о том, *когда разошлись пути Европы и России*. И на него дается однозначный ответ: в эпоху становления современной российской государственности, т.е. после монголо-татарского нашествия. «Эпоха Киевской Руси — время, когда наша страна, вероятно, еще была Европой (точнее говоря — раннефеодальной Европой), хотя, конечно, она была “другой Европой”» (С. 480).

Начиная с монголо-татарского нашествия, не только разрушившего раннефеодальную государственность, но и создавшего условия для влияния восточных институтов, Россия превращается в экономическом смысле в «модификацию» «восточной деспотии» (С. 64). И до монголов Русь в силу географических условий имела предпосылки к развитию азиатского способа производства (низкая продуктивность земледелия, короткий производственный цикл, высокие хозяйственные риски, — все это требовало организации «коллективных усилий под единым руководством»). Плюс к этому — риски, связанные со степной опасностью. После же нашествия Россия раскололась на три основные части: Новгород, Литовскую Русь и Московскую Русь. Каждая из частей демонстрировала свой вариант развития экономических институтов, причем если модели новгородская и литовская были близки Западу, то московская модель была, по преимуществу, восточной. *«Исход конкуренции разных региональных моделей определялся в доиндустриальных обществах прежде всего преимуществами военного потенциала»* (С. 161), и Москва победила, а с ней — и «восточная деспотия» в ее местном варианте. Основным ее проявлением была поместная система (С. 157), или (шире) — система служебного землепользования (вотчины и поместья) (С. 68), никакого отношения к феодализму не имеющая.

С одной стороны, никто из историков не подвергает сомнению историческую значимость монгольского нашествия. 1237 г. — год пограничный. Но вот что за ним? Одни историки считают, что началась новая история нового народа, новой цивилизации, что само по себе закономерно (Л.Н. Гумилев), другие утверждают, что нашествие и «иго» задержали развитие России, но не изменили направлений ее развития (С.М. Соловьев), третьи считают

период монгольского владычества необходимым условием успешного развития России (Г.В. Вернадский). А вот еще некоторые оценки: «Татарский разгром одним ударом закончил тот процесс, который обозначился задолго до татар и возник в силу чисто местных экономических условий: процесс разложения городской Руси X–XII вв.»⁷; «Он был необходим, сей период, необходим по таинственным судьбам провидения, для того, чтобы, пережив оный, Русь явилась *самобытным государством* в ряду других государств»⁸. Таким образом, среди историков нет общего мнения по вопросу влияния монголов. О роли Золотой Орды на процесс формирования «самодержавного» стиля управления и менталитет народа говорил еще Н.М. Карамзин. В этом смысле точка зрения авторов монографии вполне укладывается в научную дискуссию, дополняет исторический материал теоретическими выкладками, касающимися хозяйственной жизни, и не только имеет право на существование, но и позволяет по новому взглянуть на некоторые моменты, до недавнего времени историками игнорируемые. Например — разительное сходство поместных систем Турции и России, факт закрепощения дворянства в Московской Руси⁹. Еще один момент, заслуживающий внимания: в соответствии с предлагаемой книгой теорией азиатского способа производства, одной из причин его формирования (и проявлением) является монополизация государством общественно-полезных функций. В случае с Россией такой функцией стала защита от внешней агрессии (С. 64). Агрессорами выступают и западные государства, и кочевники (С. 65), но из контекста сочинения можно предположить, что в искомой точке бифуркации (XIII–XIV вв.) в качестве агрессора выступает Запад (поскольку авторы, хотя и неохотно, соглашались с мнением Н.М. Карамзина об обусловленности могущества Москвы поддержкой Орды¹⁰). Соответственно, Россия выстояла в то нелегкое время именно благодаря экспортированным из Золотой Орды социально-экономическим институтам (и, добавим, прямой военной помощи). Этот вывод сближает позицию авторов с теорией евразийства (помните один из лозунгов, предложенных в конце книги: «Россия учится у Запада и Востока с тем, что бы быть самобытной евразийской экономической державой»). На С. 156 прямо заявлено: «Москва стала, по существу, наследником Золотой Орды».

С другой стороны, по некоторым вопросам позиция авторов нуждается в конкретизации. Так, представляется совсем не очевидным, что поместная система была целиком заимствована из Османской империи. Помимо внешних влияний, необходимо учитывать и внутренние мотивы: в условиях «ига», когда князья были вынуждены отдавать значительную часть дани в Орду, содержание княжеских дружин испытывает сложности. Отсюда — стремление русских князей утаивать дань (несмотря на понимание всех негативных последствий)¹¹, появление многочисленных мытов (торговых и судебных пошлин), перевод части дружинников (дворян, кметей) на поместья (т.е. на самокупаемость). Далее, все же следует отличать вотчину (награду за прежнюю службу) от поместья (средства для службы), жалованье (средство для существования, в крайнем случае — награда за текущую работу) от кормления (награды за прежние заслуги). Не совсем корректно сравнение российских и европейских дворян («Если какой-нибудь французский д'Артаньян мог выбирать, служить ему или просто жить в родовой усадьбе, то его российский современник-дворянин не мог не служить» (С. 68)). Российский дворянин не мог не служить, *потому что дворянство было условием службы*. Недворянин — не тот, кто не имеет поместья, а тот, кто не служит. И в Европе было также, только несколькими столетиями раньше (и было не везде). И у нас дворянин мог не служить, только в конце XVIII в. Бедного д'Артаньяна авторы вспоминают еще раз (С. 341), на этот раз, чтобы попытаться его выпороть¹².

Наконец, некоторые идеи Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова не могут не восприниматься критично. К ним, во-первых, относится отрицание в России феодализма. Можно много говорить о «своеобразии», «самобытности» или «контрастности» России, но факт наличия в ее средневековый период общины и поместного хозяйства, аналогичных западным, доказан еще Н.П. Павловым-Сильванским, чьи выводы базируются на анализе огромного фактического документального материала, который нельзя игнорировать, и никакие рассуждения здесь не помогут. В дальнейшем этот вопрос был решен окончательно усилиями советских ученых Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова. К неудачным пассажирам авторов следует отнести идею об альтернативных московской экономических моделях Литовской Руси и Новгородской земли.

Если Литву еще можно рассматривать в качестве альтернативного Москве *центра собирания русских земель* (да и то только до конца XIV в.), то Новгород никогда не был самостоятелен. Новгородскую экономику нельзя назвать системой, по крайней мере, системой, сопоставимой по степени структуризации, оформленности с московской. Разные весовые категории. Новгород тысячами нитей весь период средневековья был связан с Северо-Восточной Русью¹³, зависел от нее и политически, и экономически. В войнах Ивана III с Новгородом, закончившихся присоединением последнего к Великому княжеству Московскому в 1478 г., основная масса новгородцев даже не принимала участия, воевали за свои привилегии и вотчины конкретные новгородские бояре. Что касается литовской модели, то та ее модификация, которая практически реализовывалась на землях, населенных восточными славянами, мало отличалась от московских порядков: то же крепостное право, те же поместья, только помещики в массе своей — католики, что и толкало русских Литвы в объятия Москвы. Что касается «казацкой альтернативы», о которой говорят авторы монографии, то она, вероятно, существует только на страницах трудов теоретиков экономической истории.

2. Вторая ключевая проблема книги — *как развивались Европа и Россия после того, как их пути разошлись*. В соответствие со своей теорией Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов, определив, что Россия превратилась в «восточную деспотию», пытаются найти в ее развитии а) застойность, б) цикличность. Но, вместе с тем, Россия ведь когда-то была Европой (в этом и состоит ее уникальность), значит, действительный ход вещей должен будет толкать Россию к Европе. Признаки всего этого авторы находят в российской истории. Иногда это выглядит откровенно натянуто, а иногда — свежо и вполне обоснованно.

К обоснованным позициям следует отнести:

а. мнение о том, что поворот к Западу в России был сделан за сто лет до Петра Великого (С. 158, 337). Начиная с XVIII в. историки упорно гнули линию уникальности, прогрессивности петровских преобразований. В XIX в. славянофилы пошатнули позиции Петра в русской истории (совсем немного). В XX в. историческая наука несколько адекватнее воспринимает петровские реформы, и все же представления о двух Россиях — допетровской и послепетров-

ской — чрезвычайно живучи. Дошло до того, что народная молва начала приписывать Петру привоз картошки из Америки (так мы скоро станем верить в то, что Петр, подобно Прометею, научил людей пользоваться огнем). Авторы монографии, хотя и отводят Петру традиционно почетное и важное место, все же, признавая началом модернизации России XVII в., льют воду (и правильно делают) на мельницу тех историков, которые утверждают поступательность и непрерывность развития российской цивилизации;

в. мнение об особом, системном характере восстания Е. Пугачева по сравнению с другими мощными антиправительственными выступлениями (в противовес устоявшейся в отечественной исторической науке учения о четырех «крестьянских войнах» — Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева) (С. 342). Конечно, для казацких бунтов Болотникова, Разина и Булавина, отнюдь не стремившихся свергнуть систему, громкое наименование «крестьянская война» вряд ли подходит;

с. мысль о неявном соответствии столыпинской реформы и роста сельхозпроизводства в России в начале XX в. После распада СССР и начала кризиса отечественной науки не хвалить П.А. Столыпина стало дурным тоном. Очень важно, что видные ученые, специалисты в области экономической истории, каковыми являются Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов, высказали свое авторитетное мнение, согласно которому «самый бурный рост производства в аграрном секторе наблюдался до революции 1905 г., а значит, и до (а не после) столыпинских реформ» (С. 347). Может быть, это поможет определить истинное место П.А. Столыпина — не в куцей шеренге великих реформаторов, а в плотной и многочисленной когорте вешателей¹⁴;

д. справедливую критику позиции В.И. Ленина по поводу русского крестьянства и его роли в развитии капитализма в России (С. 355–356);

е. идеи о постепенном «разгосударствлении экономики» в период 1930–1980-х гг. и о дуализме советской экономической системы (С. 398–401). Если смотреть с позиций, рассматриваемых авторами, можно многое объяснить в эволюции советского строя, развития культуры и общественной морали.

Интересной, перспективной для дальнейшего развития, кажется и мысль о том, что «трактовка предпринимательства как

ответственного служения обществу» в России сложилась только у старообрядцев (этих русских протестантов) (С. 349). А может, действительно, во всем виноват дух капитализма?

А теперь о том, что вызывает недоумение. Это, прежде всего, трактовка событий XX в. Причем, событий не столько относящихся сугубо к истории экономических институтов, даже к истории только России, сколько событий общечеловеческих.

Первая мировая война. Победа Антанты в ней объясняется вступлением в войну США, что способствовало экономическому перевесу союзников над центральными державами (С. 261). То, что Россия на протяжении двух лет оттягивала на себя основные силы противника, то, что Франция лишилась значительной части своего национального богатства — не в счет. А давайте посмотрим на это с другой стороны — почему США вступили в войну только в апреле 1917 г.? Ответ очевиден — потому что к этому времени определился перевес Антанты на фронтах. Россия не была «выбита» Германией, как утверждают авторы рассматриваемой монографии (С. 285), линия фронта была стабильной. Позиции союзников в начале 1917 г. были столь сильны, что предложение о мире (посредником в заключении которого готовы были выступить, кстати, США), были отвергнуты Антантой, собиравшейся воевать до скорого победного конца. С марта 1918 г. Антанта (в том числе США) воевала не столько с Германией, сколько с Россией (интервенция).

Революция 1917 г. в России. Военный коммунизм. Сама революция, точнее — приход к власти большевиков — трактуется как прерывание модернизации; по крайней мере именно это следует из контекста (С. 362, 481). Отрадно, что авторы признают наличие неких объективных социально-экономических предпосылок революции (С. 363), но сама революция и последовавшие за ней Гражданская война и «военный коммунизм» привели к катастрофическим последствиям. Безусловно, так оно и было. Но разве «политика “военного коммунизма” была результатом утопических представлений о ликвидации товарного хозяйства и переходе к непосредственному продуктообмену, о “крупном производстве без предпринимателей” и “мировой пролетарской революции”» (С. 371)? Разве это главное? «Военный коммунизм» был экономической политикой Советской власти в усло-

виях Гражданской войны и интервенции (о которой авторы монографии вообще стараются не упоминать). Меры по усилению государственного регулирования экономики вводились в годы Первой мировой войны во всех воюющих странах, их глубина зависела от серьезности положения государства. В более тяжелом положении, чем Россия, в 1918 г. не был никто, естественно, что и степень государственной монополизации здесь должна была быть выше. А коммунистические идеи в данном случае удачно накладывались на политические и хозяйственные потребности. Что касается дихотомии, сложившейся в эпоху «военного коммунизма»¹⁵, то она характерна для любой осажденной крепости: кто-то с оружием в руках стоит на стенах, а кто-то спекулирует хлебом из-под полы, делая деньги на несчастье окружающих.

Вторая мировая война. Ее трактовка вызывает самые серьезные замечания. Автор этих строк отдает себе отчет в том, что его оценки могут быть эмоциональными, а не рациональными, и все же... Все же как воспринимать такие слова: «Баланс на конец 1940 г. показал едва ли не катастрофу “новой Антанты”: разбитая Франция выпала из союза, Соединенные Штаты сохраняли нейтралитет, а Советский Союз еще оставался формальным союзником Германии» (С. 284). Не был Советский Союз никогда ни формальным, ни действительным союзником фашистской Германии. Мало того, Советский Союз из всех великих держав проводил наиболее последовательную политику в отношении Германии: призывал создать систему «коллективной безопасности», получив отказ, заключил с Германией пакт о ненападении (подобные уже были у Франции и Англии), соблюдал этот пакт. Конечно, по сравнению с политикой Англии, например, предававшей всех направо и налево (Мюнхенский договор с Германией — пакт о ненападении с Германией — объявление войны Германии после нападения ее на Польшу — «странная война») позиция СССР кажется ненормальной. А как рассматривать такие тирады: «...в ходе [Второй мировой войны]... демократическим государствам с кейнсианской системой государственного регулирования удалось “отбить” натиск авторитарных/тоталитарных государств, чья институциональная система сближалась с системой власти-собственности» (С. 257); «Вторая мировая была противостоянием двух военных блоков, но трех качествен-

но различных идеологий — либерально-этатистской (Франция, Великобритания, США), национал-социалистической (Германия, Италия, отчасти Япония) и советской (СССР). Рыночная экономика могла сохраниться только при победе либерального этатизма, поскольку обе другие идеологии были построены в той или иной степени на отрицании рынка, на замене институтов частной собственности институтами власти-собственности» (С. 282); «В результате этой войны удалось отсечь те национальные модели капиталистической экономики, которые стали на путь усиления власти-собственности и милитаризации, представляя угрозу всему мировому сообществу» (С. 288). Надо ли уточнять, кто, по мнению уважаемых Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, угрожал мировому сообществу, кого «удалось отсечь» и кто из тоталитарных государств с вредной экономической системой остался. Каково место СССР в этой стройной системе? Комментарии, как говорится, излишни.

Подобная трактовка ключевых событий XX в., возможно, и оправдана для отвлеченных экономических моделей, но не для предметного разговора о путях развития России и Европы. Хотя, мы забыли о политике, а она здесь, думается, играет не последнюю роль. Не случайно при написании цитируемых здесь глав авторы использовали материалы коллег с Запада.

Но даже это можно, по большому счету, простить за два важнейших вывода, сделанных авторами монографии: «Российский опыт убедительно доказывает принципиальную малоэффективность “копирующей модернизации”» (С. 368) и «пока не ясно, что такое регулируемый рынок: фаза в развитии рыночного хозяйства или форма перехода к пострыночной экономической системе» (С. 273). Другими словами, Россия должна идти своим путем, не копируя слепо Запад. Здесь окончательно смыкается история и политика.

* * *

*Смотря на вещи свысока, с высших точек зрения,
мы видим только геометрические очертания вещей
и не замечаем самих вещей.*

Каковы теоретические основы рассматриваемого произведения?

Хотя авторы и признают два пути развития (*азиатская модель* и *европейская модель*), но лишь один из них *прогрессивен*. Хотя авторы признают цикличность, но лишь для неprogressивного Востока. Таким образом, авторы — сторонники *линейного* подхода к рассмотрению истории. Такой подход предполагает однонаправленность прогрессивного развития человечества. По примеру крупнейшего представителя линейного подхода, К. Маркса, выделяются стадии развития по прогрессивному, европейскому пути — античная, феодальная, капиталистическая, соответствующие господствующему способу производства. Выделяется и четвертая, современная стадия — посткапиталистическая. Азиатский путь развития — бег по кругу в рамках одноименного способа производства.

История начинается на Древнем Востоке со складывания первого по времени азиатского способа производства, основанного на государственной собственности на средства производства («власть-собственность»). Уже на этом этапе восточный путь развития резко отличается от западного (еще не оформившегося). Отличия эти суть следующие: на Востоке особая община (характеризующаяся общественным трудом¹⁶); на Востоке особое государство («восточная деспотия»). Причины «особости» Востока лежат, по-видимому, в плоскости географии и климата. Характерные черты азиатской модели — застойность и цикличность.

Теперь попытаемся разобраться с этим. Конечно, история Древнего Востока — это древняя история, но не настолько, чтобы нам ничего о ней не было известно, и мы при ее изучении опирались бы не на факты, а на категории, применяемые к другим эпохам или на собственный здравый смысл. «Трудно найти на свете человека, который, хотя раз в жизни, выражаясь языком научным, не влопался бы в какую-нибудь историю. Но, как бы давно это с ним не случилось, тем не менее, происшедший казус мы не вправе назвать древней историей»¹⁷. Ретроспективный метод здесь непродуктивен.

А факты таковы: так же, как и на Востоке, в античной и германской общинах общественный труд не просто присутствовал, но являлся одной из характерных черт этих общин (это и широкомасштабные строительные работы, и расчистка леса, и, естественно, военная защита¹⁸). И это понятно — само объеди-

нение индивидов в общины предполагало такой порядок. Сложно представить себе людей, строящих вокруг своего поселения частокол таким образом, что каждая семья возводит только свой участок стены. Если бы люди не нуждались в помощи друг друга, община бы сразу развалилась (что и произошло в Европе в начале Нового времени). Вряд ли конструктивна позиция, согласно которой строительство ирригационных сооружений, без которых земледелие на Востоке невозможно, объявляется важнейшей характерной чертой азиатской общины, а расчистка леса германцами, без чего невозможно германское земледелие — это лишь дополнение к частному землепользованию. Нет принципиальных отличий между территориальными земледельческими общинами Востока, античности, средневековой Европы. Есть отличия в степени хозяйственной самостоятельности общины: на Востоке есть надобщинные институты (в лице государства), в античности их нет (община — это и есть государство), в средневековой Европе община сращена с сеньорией (имеющей иммунитет по отношению к государству). Обо всем этом Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов упоминают в своей работе, но, вероятно, в стремлении развести Запад и Восток как можно дальше друг от друга, разводят не только их государства, но и протогосударственные социальные институты — общины.

Что касается «восточной деспотии», то, вероятно, все первые государства были таковыми, и не только на Востоке. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов сами (на С. 48) неявно указывают на признаки «восточного деспотизма» в Европе (крито-микенская цивилизация) и прямо говорят о наличии его в государствах Тропической Африки, Океании, Америки (С. 34). «Восточными деспотиями» и по практике управления, и по экономическому строю («власть-собственность» вкупе с неразвитыми частнособственническими отношениями) также были полисы гомеровской Греции, царский Рим, кроме того — эллинистический Египет, государство Селевкидов и т.д. и т.п. В той или иной форме черты «восточного деспотизма» мы найдем в любом государстве¹⁹. Причина этого проста, мало того — она определена авторами: «Экономисты-институционалисты выделяют два полярных типа государств в зависимости от механизмов их образования — *контрактное государство* и *государство как «оседлый бандит»* (С. 71). Что

касается историков, то они уже давно не находятся в сетях иллюзий Аристотеля и Гуго Гроция. Появление государства по причине «склонности людей к общению» или вследствие «общественного договора» (контрактное государство) так же иллюзорно, как и появление разделения труда по причине «склонности людей к обмену». Остается признать, что любое государство образовалось как «оседлый бандит». Действительно, все наиболее древние европейские государства из существующих сейчас — прямые потомки «бандитов» (в том числе Россия), непонятно только, почему авторы монографии не распространили это правило образования государств на «восточные деспотии», выразившись в их отношении довольно туманно²⁰. А ведь Египетское царство образовалось в результате постепенного захвата одним из южных царств порядка 40 своих соседей, смена династий в Египте происходила, чаще всего, вследствие удачной военной интервенции (гиксосы, танисская, ливийская, кушитская династии, Птолемеи); месопотамские империи образовывались либо в ходе борьбы между городами-государствами (объединение Двуречья Саргоном), либо в результате нашествия кочевников (касситы, ассирийцы, халдеи, персы); государства в Индии появились в ходе захвата полуострова Индостан ариями; древнейшее китайское государство Инь (Шан) образовалось тогда, когда иньцы обосновались в среднем течении Хуанхэ, покорив аборигенов; подобным образом появились империи ацтеков и инков в доколумбовой Америке. То же мы видим и в Европе: греческие полисы классического периода были детищами дорийского нашествия, Римское государство — результатом экспансии латинов. Бандиты, лучше вооруженные и организованные (чаще всего — кочевники или полуоседлые дикари) захватывают земледельческое население и его территории и, представляя собой *подавляющее* меньшинство, вводят такие «правила игры», которые позволяют им сохранять власть над *подавляемым* большинством. Так появляется государство. И вполне естественно, что основано оно на насилии как основном методе управления и государственной собственности (т.е. собственности захватчиков — по праву силы) как основном экономическом институте.

Все вышесказанное не отменяет выводов Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова о цикличности и застойности «восточных деспо-

тий». Застойность и цикличность взаимосвязаны, но что первично, — завершение цикла не дает развиваться экономическим институтам (тогда каким законам подчиняется цикличность) или ущербность самих институтов, неспособных к развитию, заставляет общество замыкаться на себя (тогда в чем причины застойности)? Судя по тексту, все же застойность, причина которой (строго по Марксу) — «самовоспроизводство азиатской общины» (С. 54). Теперь понятно, зачем авторам было нужно найти отличия в общинах Востока и Запада. Но ведь у Маркса «самовоспроизводство» означает всего лишь неизменность. Европейская община изменяется с течением времени, а азиатская нет, только и всего. Причины неизменности искать ни к чему (нельзя искать то, чего нет), нужно искать причины изменяемости. Этим Маркс и занимался.

Указанные противоречия в логике Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова есть следствия противоречивого в своей основе *способа восприятия* истории. Ее можно воспринимать либо как линейный процесс, либо как циклический; затем — либо как процесс одновариантный, либо многовариантный. Чаще всего восприятие истории как процесса линейного сочетается с признанием одновариантности, а понимание цикличности истории — с признанием многовариантности. Синтетические концепции, пытающиеся примирить непримиримое, чаще всего остаются в памяти народной более или менее удачными спекуляциями (Фукуяма, Ясперс, Валлерстайн). Действительно нечто оригинальное с точки зрения исторической науки удалось создать только Л.Н. Гумилеву (теория пассионарности). Безусловный авторитет среди сторонников линейных теорий — Карл Маркс. Его теория внутренне непротиворечива, последовательна и универсальна. Авторы же рассматриваемой монографии, взяв Маркса за основу, попытались притянуть сюда и цикличность. Зачем?

Рассматривая далее историю европейской экономики, авторы монографии предпочитают рассматривать новый этап с позиций новой теории — хотя и институциональной, но новой (промышленная революция интерпретируется с точки зрения Маркса, индустриализация — Ростоу, вторая промышленная революция — Дэвида и т.д.). По книге Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова можно изучать становление институционализма в мировой

экономической науке. Это полезно в образовательных целях, но делает позицию авторов слабоугадываемой, а структуру монографии — несколько рыхлой.

Что касается самого институционализма, то здесь тоже не все просто. Справедливо критикуя классиков и неоклассиков за антиисторичность (С. 11), авторы монографии записывают в институционалисты всякого, кто в чем-либо не соглашается с классической экономической теорией. Вряд ли можно всех подряд обзывать интитуционалистами и противопоставлять их классикам и неоклассикам. Институционалисты — те, кто рассматривает экономику как развитие институтов. Интитуты понимаются очень широко — как «правила игры». Тогда классики — те, кто отрицает институты, или отрицает развитие? Разве классики отрицают институты? Нет. Разве они отрицают развитие? Нет. Они считают, что законы рынка действовали всегда. Но разве Маркс не экстраполировал свою современность в прошлое?

Из всего сонма институциональных теорий *для рассмотрения экономической истории России* (и только для этого!) авторы выбирают теорию зависимости от предшествующего развития. Они синтезируют ее с модернизированным (за счет признания цикличности азиатской модели) марксизмом, и получается довольно стройная, красивая история о том, как периферия Европы — Русь, оказавшись в трудной ситуации перед выбором между Востоком и Западом, имея альтернативы развития, выбрала Восток (XIII–XVI вв.); как затем Россия одумалась и начала двигаться к Западу, мучительно, но верно (XVII–XIX вв.); как зависимость от предыдущего развития толкнула уже почти вестернизованную Россию назад, т.е. на Восток (XX в.: СССР); как сложившиеся на сегодня условия снова дают возможность России вернуться в лоно европейской цивилизации. К сожалению, очень трудно рассмотреть детали предложенной Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым концепции за частоколом других институциональных (и не совсем) теорий, с помощью которых авторы параллельно излагают не менее красивую историю нормального, поступательного, прогрессивного развития Европы, которая, кстати, в интерпретации авторов, развивается, в отличие от России, в силу *внутренних* причин.

Эта модель истории России, безусловно, оригинальна, но вот исторична ли? И да, и нет.

Да, потому что она опирается на выводы, основанные на анализе конкретных социально-политических и социально-экономических процессов, имеющих место в отечественной истории. Да, потому что она основана на таких общих теоретических посылах, которые нельзя опровергнуть (как и доказать): история как последовательность выборов, история как конкуренция.

Нет, потому что примерами ничего нельзя доказать, и ничего нельзя опровергнуть. Нет, потому что понимание истории как конкуренции и выбора приводит к поиску различий между народами, странами, культурами, эпохами, в то время как «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка»²¹.

* * *

Исключения обыкновенно правильнее самого правила; но они потому не составляют правила, что их меньше, чем неправильных явлений.

Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов — не историки по образованию, но историки по роду деятельности и призванию, поэтому слова С.М. Соловьева относятся и к ним. На чем построена вся книга, от чего она отталкивается? От признания наличия двух противоположных даже не цивилизаций — *начал* человеческого общежития: Востока и Запада.

Авторы изначально противопоставляют Европу и весь остальной мир; отсюда их стремление оправдать такое противопоставление; отсюда их желание найти различия в истории Европы и всего остального мира. Велик соблазн такое противопоставление оправдать наличием *реальных* отличий в истории. Правда в том, что поиск отличий начался после признания «особости» Европы (аккурат в эпоху колониализма), а не наоборот.

Авторы также а priori противопоставляют Россию и Европу. Они не задаются вопросом «Разошлись ли пути России и

Европы?», они спрашивают «Когда разошлись пути России и Европы?».

Является ли Россия Европой? А почему вообще возник этот вопрос? Вряд ли в средние века, когда Европа — этот аппендикс Евразии, темный угол, варварский край — отнюдь не была центром цивилизации, россиян, как и других людей, интересовал вопрос соотношения своего развития с развитием европейским. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов немножко лукавят, когда говорят, что уже в позднее средневековье «...европейцы смотрели на россиян... как на “азиатов в Европе”, угрозу европейской культуре» (С. 171). Точно так же европейцы-англичане смотрели на европейцев-испанцев, а европейцы-венгры (европейцы ли?) на европейцев-сербов. Ведь нет единой Европы, есть спектр — от Испании до Исландии, от Англии до России, — все это Европа. Россия всегда была в Европе и никогда оттуда не выходила.

Вопрос возник на рубеже XVII–XVIII вв., когда европейцы, используя Технологию, стали подминать мир под себя. В России отреагировала первой, как и следовало ожидать, политика: началась петровская модернизация. Традиция была продолжена Екатериной Великой. Однако т.н. европеизация, которую видят многие в XVIII в., не имела места быть, — Россия продолжала развиваться в том направлении, которое было указано московскими государями в XV–XVI вв. (а может быть — и раньше), государи использовали те же методы. Европейской (точнее — германской) была форма, европейским был сосуд. Напиток — русским. И последствия его употребления — тоже.

Мысль, как всегда, отстала от практики и была призвана оправдать уже сложившееся положение. Так в XIX столетии появляется головная боль, — а Россия — Европа ли? Почему именно сейчас? Европейцы делят мир, формируется колониальная система. Россия должна самоопределиваться — если мы Европа, дайте нам место под солнцем! если мы — Азия, наше место — у Китая.

Таким образом, сама постановка вопроса о том, как соотносятся истории Европы и России — это следствие *западнической* позиции, которая, в свою очередь, зиждется на ущемленном самолюбии российской элиты, стремившейся в Европу.

Показательно, что труд Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова вышел в Калининграде, еще в России, но уже в Европе. Говоря об особом

пути России, они подспудно желают, чтобы эта «особость» была похожа на европейскую модель. «Мы, современные россияне, изучаем родную историю с “московской” точки зрения. Нам трудно даже задуматься о том, что завоевание Москвы Литвой в XIV в. открыло бы перед российской цивилизацией гораздо лучшие перспективы развития, чем те, которые реализовались в реальной истории. Россия Гедиминовичей была бы, скорее всего, гораздо более европейской страной, чем Россия Рюриковичей» (С. 481). Ключевые слова здесь — «лучшие перспективы». Тоска по Европе заслоняет нам даже необходимость выбора — в какую Европу мы хотим? Ведь кроме протестантской германской модели там есть католическая южноевропейская, православная греческая, сверхиндивидуалистская анго-саксонская и другие. Для нас это не важно сейчас. Демонстрируя готовность учиться и изменяться, Россия исповедуется Европе в том, что жила неправильно и ждет отпущения грехов, ждет заветного «Vade in pasc».

Здесь были затронуты лишь некоторые аспекты многогранной работы Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова. Автор призывает историков и экономистов, занимающихся историей экономики к полемике по сочинению Рустема Махмутовича и Юрия Валерьевича, а также по проблемам, поднятым в их труде.

Возможно, Василий Осипович Ключевский был прав, и надо обращать внимание на исключения, а не на правила. Проблема любой теории в том, что она не основана на фактах. Проблема фактов в том, что их все невозможно втиснуть в одну теорию. Ни одна из теорий не объясняет истории, скорее запутывает ее. Однако именно теории двигают научную мысль вперед.

Примечания

¹ Примером удачной попытки такого рода является монография С.А. Нефедова «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV–начало XX века» (Екатеринбург, 2005. 543 с.).

² Как иначе, скажите на милость, воспринимать следующий пассаж: «В русской культуре успех — это прежде всего удача и следствие везения (и наивная вера в быстрое обогащение), а не результат длительных собственных усилий; скорее результат личных связей, а не следствие объективных процессов. Накопительство и собственность часто рассмат-

риваются в национальной культуре не как положительные, а как отрицательные ценности. Свобода трактуется не как независимость и самостоятельность, а как возможность делать что хочется (в духе анархии и своеволия). Неудивительно, что *реакцией значительной части населения на трудности перехода к рыночной экономике стало не приспособление к ней, а бегство от нее*» (С. 416).

³ Пашинцев Е.В. Природа социальных отношений и социологический вектор мировой истории // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 256–257.

⁴ Вряд ли недолгое античное рабство можно считать классовым (С. 86). Ведь рабы, если они не должники, — это не члены общины, т.е. не члены общества вообще, не люди. Мы же не считаем разными классами, например, крестьян и их рабочий скот.

⁵ Демократия — это, безусловно, хорошо (С. 102) — для граждан, коих в Афинах, например, было едва ли больше 10% населения, а скорее всего — и того меньше, поскольку относились к ним свободнорожденные мужчины старше 20 лет. Не будем забывать, что античная демократия была основана на рабстве и стала возможной благодаря ему, и уже поэтому она не имеет никакого отношения к гражданскому обществу. Кстати, после падения Греции нигде и никогда греческая демократия в своей первоначальной форме не проявлялась. И слава Богу.

⁶ «Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной*, и являет собой *русская община*. Ее эквивалент на Западе — *германская община*» (К. Маркс. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 19. С. 417). Здесь Маркс говорит о той общине, которая была перед маркой. Марка же отличается *«частной собственностью земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще общественной собственностью»* (Там же. С. 418). Но ведь это частная собственность для общинников относительно друг друга, относительно внеобщинных институтов (того же государства) или просто людей, не входящих в общину, это — собственность общинная, и никакой разницы между маркой и земледельческой общиной в этом смысле нет. К тому же и до марки в германской общине труд на пашне был индивидуален, как и производимый на ней продукт. Мало того, само наличие «германской общины» до «германской марки» не известно по источникам кроме «Германии» Тацита и справедливо подвергается сомнению (см.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 52).

⁷ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т. 1. С. 326.

⁸ Полевой Н.А. Из «Истории русского народа» // Сборник материалов по истории исторической науки (конец XVIII–первая треть XIX в.). М., 1990. С. 201.

⁹ Мы как-то начали подзабывать, что дворяне — это бывшие холопы.

¹⁰ «Когда Н.М. Карамзин писал, что Московская Россия “обязана своим величием [татарским] ханам”, то он был во многом прав. С одним уточнением — ханам обязана, прежде всего, та Россия, которая признала “необходимость самовластья / и прелести кнута”» (С. 156).

¹¹ Утаивание дани, по-видимому, было обычным делом. Неслучайно страницы русских летописей пестрят рассказами о том, как князья жаловались на своих соседей ордынцам, обвиняя их в утаивании дани (особенно в этом благом деле — обвинениях — отличались московские князья). Безусловно, причиной этих жалоб была жесткая политическая конкуренция между русскими князьями, но дыма без огня не бывает.

¹² «Чтобы почувствовать разницу между императорской Россией и Европой Нового времени, попробуйте представить, чтобы, например, деспотичный кардинал Ришелье приказал выпороть кнутом строптивого д`Артаньяна. А вот в России дворянина могли выпороть еще спустя 150 лет после времен “Трех мушкетеров”» (С. 341). Выпороть мушкетеров, может, и нельзя было, а вот убить — ради Бога. Культура другая... А вот то, что порка воспринималась как анахронизм, как русское — вот это ценно.

¹³ Кстати, еще государство Рюрика включало помимо новгородских земель междуречье Волги и Оки.

¹⁴ Автор в данном случае высказывает сугубо личную позицию.

¹⁵ «...дихотомия натуральной в своей основе государственной централизованной экономики и запрещенного партикулярного, рассеянного рынка сложилась уже на заре советской власти, в эпоху “военного коммунизма”. Она станет характерной чертой государственно-бюрократического социализма» (С. 372).

¹⁶ «Фактором, усилившим неравенство, было и то, что получение семьей земельного надела для обработки нередко предполагало совместную работу по его введению в сельскохозяйственный оборот или улучшению (ирригация, террасирование склонов, выкорчевка леса, охрана территории от посягательств других общин и т.п.). Без этой предварительной совместной работы (коллективно-общественного труда) было невозможно использовать свой участок (индивидуальный труд). Труд общинников в таких деревнях приобрел как бы переходный, полуобщественный-получастный характер. Этим азиатская община принципиально отличалась как от античной общины, которая вообще была исключена из производства, так и от германской общины, где индивидуализированное производство лишь дополнялось коллективным использованием сельскохозяйственных угодий» (С. 36–37).

¹⁷ Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». СПб., 1912. С. 5.

¹⁸ См., например: Экономика рабовладельческой Греции в V в. до н.э. // Всемирная история: в 10 т. Т. 2. М., 1956. С. 43–44; Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990. С. 51, 93–94; Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч... С. 52–54; Древние германцы // Хрестоматия

тия по истории средних веков: в 3 т. Т. 1: Раннее средневековье. М., 1961. С. 265, 278–279.

¹⁹ Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов утверждают, что «...При власти-собственности власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже» (С. 41). Но ведь и в Древнем Риме было почетнее быть нищим патрицием, нежели богатым вольноотпущенником; и в средневековой Европе какой-нибудь пятый сын графа, не имеющий гроша за душой, вытирал ноги об богатого купца. Получается, не только в «восточных деспотиях» социальный статус не зависел от материального достатка.

²⁰ «...непосредственной причиной объединения разрозненных земледельческих общин в государственную систему стало противоречие между постоянной угрозой быть раздавленным внешним миром и стремлением выделившейся надобщинной верхушки сохранить, упрочить и возвысить свой социальный статус» (С. 37).

²¹ Соловьев С.М. Соч. в 18 т. Кн.1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 51.